

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Принцип территориальности исключительных прав

*Пирогова В.В.**

Помимо вопросов исключительных прав, анализируются такие аспекты международного частного права, как применимое право при разрешении трансграничных споров в сфере интеллектуальной собственности. Дается обзор ряда международных договоров по интеллектуальной собственности в контексте данной проблематики.

Ключевые слова: исключительное право; интеллектуальная собственность; ГАТТ; ВТО; Соглашение ТРИПС; принцип наибольшего благоприятствования.

1. Территориальность как особенность исключительных прав

В течение последних ста лет правовая доктрина подавляющего числа национальных систем права склоняется в пользу признания территориального характера исключительных прав на нематериальные объекты, в частности изобретения, товарные знаки, авторские произведения¹. Хотим мы того или нет, придание этого рода правам характера «исключительности» (эксклюзивности) позволяет законодателю наиболее оптимально скоординировать интересы всех участников, вовлекаемых в создание и коммерциализацию технических новшеств

* Пирогова Вера Владимировна – доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России. vpirogova@mail.ru.

¹ Интересен подход А.А. Пиленко, который считал, что патентное право есть авторское право в области техники. См.: Пиленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут. 2001. С. 674.

и достижений в области науки, литературы, культуры². Вместе с тем, понимая, что за термином «территориальность» стоят различные концепции, обратимся к теории.

Русский цивилист Пиленко, обращаясь к основаниям прекращения патента, писал об «особой форме прекращения патентов за ввоз патентованного изобретения из-за границы»³, ссылаясь при этом на некоторые особенности французского законодательства того времени. Напомним, что территориальный характер прав в области творческой деятельности человека был заложен Парижской конвенцией об охране промышленной собственности 1883 г. (далее Конвенция). С одной стороны, на разработку этого документа значительное влияние оказала Франция. С другой – понимая некоторые чрезвычайные конструкции национального патентного права того периода, Франция должна была пойти на ряд значительных уступок при формулировке отдельных положений Конвенции. В качестве наиболее яркого примера можно привести конструкцию «разрешение и запрет на ввоз в страну, где получен патент, запатентованных изделий из-за границы». Дело в том, что Франция отвергала возможность признания такого ввоза, считая это действие нарушением прав патентодержателя⁴. В иных правопорядках сложились прямо противоположные подходы, и, чтобы, как пишет Пиленко, восстановить равновесие между нормами французского права и соответствующими постановлениями других законодательств, пришлось создать пятую статью Конвенции. Иначе возникала реальная угроза «нарушить систему взаимности, положенную в основание Конвенции»⁵.

Компромисс, казалось бы, имел незначительные последствия для правообладателя и третьих лиц. Из ст. 5 Конвенции следовало, что патентодержатель, который ввозит в страну, где ему был выдан патент, запатентованную им продукцию, произведенную в другом государстве Парижского союза (Международный союз, образованный Парижской конвенцией. Далее – Союз), не лишается прав. Патент продолжает действовать. Проанализируем вытекающие из данной конструкции последствия с точки зрения территориального характера самого патента.

² Терминология, употребляемая в Гражданском кодексе РФ в отношении объектов авторского права.

³ Пиленко А.А. Право изобретателя. С. 576.

⁴ Статья 32 французского патентного закона 1844 г.

⁵ А.А. Пиленко. Указ. соч. С.196.

Не подлежало сомнению ни в одном правопорядке, что для получения патента и признания истекающих из него прав необходимо зарегистрировать изобретение в каждой конкретной стране сообразно ее национальному патентному законодательству. После признания патента в данной конкретной стране управомоченное лицо могло эксплуатировать свои монопольные патентные права. Существовало несколько способов: либо посредством самоличного изготовления продукции, либо посредством совместной деятельности с иностранными компаниями, либо через выдачу лицензии. Ни в одном из названных случаев патентообладатель не был заинтересован в том, чтобы подобная запатентованная продукция появлялась на территории этого государства, дабы не создавать необоснованной конкуренции законным производителям. Вместе с тем встает вопрос: а располагает ли такой возможностью ввоза сам патентообладатель? Казалось бы, исходя из факта выдачи патентов, как и в стране ввоза, так и в стране, откуда им будет поставляться продукция, подобный ввоз не входит в противоречие с патентными правами, поскольку ему и только ему принадлежит право эксплуатации своего изобретения. Но при этом следует явный отказ от территориального характера исключительных патентных прав, поскольку каждый выданный патент действует только в пределах территории конкретного государства. Проведем интересную параллель. Известно, что одним из способов прекращения патентных прав является добровольный отказ от него патентодержателя. Этот отказ практически осуществляется посредством неуплаты требуемой патентной пошлины в пользу государства. Казалось бы, добровольный отказ мог бы предоставляться иными способами, например, исходя из абсолютного характера исключительных прав, обычным отказом от права по аналогии с отказом от права собственности. Тем не менее подобная возможность не предусмотрена национальными законодательствами. Причину следует искать в плоскости эксплуатации или так называемой коммерциализации изобретения. Предположим, на исключительные права оформляется залог. Таким образом, залогодержателю должно быть гарантировано, что прекращение патента не может следовать из неких добровольных действий патентодержателя, на которые залогодержатель не может оказать никакого воздействия. Именно по этим причинам добровольный отказ заменен возможностью отказа посредством невнесения пошлин, которые, впрочем, за первоначального правообладателя может внести и третье лицо, в нашем случае – залогодержатель.

Вывод может быть сделан следующий: любые действия правообладателя, которые вытекают из признания патента и территориально-го характера исключительных прав, должны быть четко конституированы и независимы от действий иных управомоченных лиц, которые обладают патентными правами на это же изобретение в пределах иной юрисдикции. Косвенным подтверждением изложенного правила может служить ст. 4 Конвенции. Согласно данной статье, юридическая судьба одного и того же изобретения в странах Союза, где был получен патент, может быть различной. Аннулирование патента в стране А не ведет к его аннулированию в стране В, и наоборот. Тогда почему подобный подход независимости патентов отвергается при установлении Конвенцией правила об эксплуатации, или использовании, патента. Представим себе закрытую национальную патентную систему. Законодатель, разумеется, проявляет интерес к освоению патентов внутри государства. Впоследствии, когда насыщен внутренний рынок, государство надеется на то, что выход на иностранные рынки может принести казне дополнительные прибыли.

Как известно, любые экспортные операции сопровождаются пополнением государственной казны. Но здесь специфика такова, что экспорт бывает сопряжен с недостаточным освоением местных рынков и желанием патентодержателя в силу экономической заинтересованности осваивать зарубежные технологические рынки. По существу нет оснований запретить ему одновременное патентование в странах Союза и последующее промышленное освоение изобретения. Попытка в Конвенции сформулировать правило об обязательном использовании изобретения и принятие конструкции принудительного лицензирования (ст. 5, п. 2) по сути должны были свести на нет принцип свободы распоряжаться патентом, в первую очередь сужая возможность патентодержателя осваивать патент путем выдачи свободной лицензии⁶.

⁶ Последующая лицензионная практика показала неприменимость правила о принудительной лицензии в технологической торговле. Первыми об этом заявили США, полностью отвергнув возможность признания принудительного лицензирования на законодательном уровне, заменив его на соответствующие ограничения лицензионной торговли посредством антимонопольного регулирования. В подавляющем числе иных государств она присутствовала в законодательстве как своеобразное «устрашающее оружие», готовое выстрелить, но не стреляющее. P. Demaret. Patent- und Urheberrechtsschutz, Zwangslizenzen und freier Warenverkehr im Gemeinschaftsrecht. GRUR Int. 1987, S. 1–13.

В результате ожидания стран – участниц Парижского союза относительно четкой формулировки принципа взаимности, заложенного в ст. 2 о национальном режиме, не оправдались. Внесение некоторых изъятий патентных прав, хотя и обоснованных разработчиками в ст. 5А, привело к тому, что территориальный характер стал толковаться двояко. С первой позиции – строгое соблюдение этого правила при регистрации и выдаче охранных документов (патентов или свидетельств), а также установление независимости изобретения (ст. 4 Конвенции). С другой позиции решается вопрос о территориальном характере исключительных прав при эксплуатации (использовании) охраняемых новшеств. Изъятие, сформулированное как «ввоз патентообладателем в страну выдачи патента объектов, изготовленных в той или иной стране Союза, не влечет за собой утраты⁷ основанных на нем прав» (ст. 5А, п. 1 Конвенции), имеет далеко идущие последствия для всех последующих международных соглашений по интеллектуальной собственности и их имплементации в национальное законодательство.

Как указывает в комментарии к Конвенции Боденхаузен, «настоящее положение составлено довольно узко и предоставляет странам – членам Союза свободу регламентировать ввоз патентованных объектов, если он осуществлен иными средствами, а также и при иных обстоятельствах, не перечисленных в данной статье». Акцентирует внимание на том, что при разработке Конвенции вопрос ввоза дебатировался очень горячо, но со временем утратил актуальность, поскольку по мере отхода национального законодателя от строгих норм в отношении ввоза патентованных объектов «эти споры утратили в значительной мере свое значение»⁸.

Перед нами встает небезынтересный с точки зрения стабильности содержания исключительных прав, вытекающих из факта выдачи патента, вопрос: входит ли правомочие по ввозу запатентованных изделий в перечень действий, относящихся к понятию «использование изобретения». Иными словами, включают ли действия по ввозу запатентованных изделий в содержание исключительных прав. Обращаясь к современному договору по интеллектуальной собственности – Соглашению

⁷ Использование термина «утрата» понимают как меры, аннулирующие патент, независимо от того, называются они утратой, или отменой, или отзыванием, или аннулированием. См.: Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий. М., 1977. С. 86.

⁸ Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий. М., 1977. С. 85.

по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г., обнаруживаем, что в ст. 28 установлены следующие исключительные права, предоставляемые патентообладателю: препятствовать третьим лицам совершать создание, эксплуатацию (использование), предложение к продаже, продажу или ввоз для этих целей запатентованного продукта.

Казалось бы, перед нами четко сформулированное правомочие о запрете ввоза. Но разгадка данной коллизии содержится в тексте сноски № 6, которую содержит Соглашение ТРИПС, где предусмотрено, что ввоз регулируется не правилами ст. 28, а ст. 6 того же Соглашения. Отсылка к ст. 6, которая посвящена исчерпанию исключительных прав, имеет крайне широкое толкование. На первый взгляд, логика разработчиков ТРИПС проста: стране-члену предоставлено право избирать любой режим исчерпания исключительных прав, будь то национальный или международный. Напомним, что речь идет о том же регулировании ввоза запатентованной продукции. Если принят национальный режим, то данные товары впервые должны быть введены в оборот в стране происхождения, а если принят международный режим исчерпания, то их ввод в оборот в любой стране ведет к исчерпанию исключительных прав. Представляется необходимым уточнить два важных обстоятельства. Первое касается специфической нормы исчерпания прав. Она применяется по отношению к конкретным запатентованным изделиям, но не прекращает (не исчерпывает) исключительные права на изобретение.

2. Национальный принцип и принцип наибольшего благоприятствования

Напомним, что положения Соглашения ТРИПС должны находиться в полном соответствии с нормами Парижской конвенции. Так, национальный принцип, заложенный в ст. 2 Конвенции, воспроизведен правилами ст. 3 ТРИПС. Безусловно, окончившиеся неудачей попытки ревизии Конвенции, которые концентрировались главным образом вокруг неразрешенных противоречий, исходивших из неравного объема прав, предоставляемых местным заявителям и иностранцам, нашли отражение и в нормах ст. 3 ТРИПС. Вместе с тем неудивительно, что разработчиками ТРИПС был предложен некий компромисс, которых так много можно найти в Соглашении. Речь идет о включении в Соглашение еще одной новеллы, регулирующей объем предоставляемых прав

на принципах взаимности. Статья 4 ТРИПС получила название «принцип наибольшего благоприятствования». Каковы причины включения в текст Соглашения ст. 4? Ответ находится там, где его сложно, на первый взгляд, предвидеть.

История разработки Соглашения ТРИПС тесно связана с деятельностью Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ)⁹. В ходе Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров стран – участниц ГАТТ 1986–1994 гг. был подписан ряд соглашений, которые фактически стали юридической основой создания Всемирной торговой организации. В течение ряда лет, пока шли горячие дискуссии о целесообразности включения в повестку Уругвайского раунда тематики интеллектуальной собственности, неизменно вставал вопрос о территориальном характере исключительных прав. Присутствовавший в тексте ГАТТ принцип наибольшего благоприятствования было предложено взять за основу для Соглашения ТРИПС. В самом деле, если брать формулировку ст. 4 и сравнивать с нормами ГАТТ, вполне можно убедиться в их текстуальном сходстве. Если анализировать, каким образом на практике будет осуществляться странами – членами ТРИПС провозглашенный принцип, сразу возникает множество неясностей. Первая и главная из них относится к аспекту толкования понятий «привилегии и преимущества».

Предположим, одна из стран – членов ВТО расширяет в своем национальном патентном праве область патентноспособных объектов, а это допускается нормами ст. 27 ТРИПС. Если предположить, что данное государство извлекает или собирается извлечь ряд коммерческих выгод, облекая в патентную защиту, например, программные продукты, то, следовательно, эту «привилегию» или «преимущество» на законных основаниях, а именно в соответствии со ст. 4 ТРИПС, может использовать любое другое государство, участвующее в Соглашении. Тем самым можно зайти совсем далеко, не давая себе отчет, какие шаги могут повлечь за собой подобные правотворческие действия одного из участников Соглашения. На деле не все так просто и очевидно. Поскольку положения ТРИПС (ст. 2–19), к которым относится и ст. 4 о принципе наибольшего благоприятствования, должны полностью соответствовать требованиям Парижской конвенции и, конечно, требованиям ст. 2

⁹ Об истории разработки Соглашения ТРИПС и влиянии Ассамблеи см., например: В.В. Пирогова. «Торговые аспекты» и «общественные интересы» в Соглашении ТРИПС (ВТО) // Московский журнал международного права. 2010. № 4 (80). С. 72–85.

о национальном режиме, мы будем иметь дело с фактическим ограничением ст. 4 ТРИПС.

В итоге, оставаясь в тексте ТРИПС, ст. 4 не носит реальной правовой нагрузки, являясь, скорее, красивой декларацией. Вместе с тем нельзя пройти мимо некоторых фактов, говорящих, что отдельные государства с хорошо развитой юридической техникой стали все чаще прибегать к ссылкам на нее. В качестве примера можно привести практику Соединенных Штатов Америки. Так, при подписании некоторых двухсторонних договоров о свободной торговле стране – торговому партнеру предлагается ввести в свое национальное патентное законодательство критерий неочевидности, который известен преимущественным образом только американскому патентному праву. Ссылка при этом дается на ст. 4 ТРИПС о том, что привилегии и льготы, применяемые одной страной-членом, распространяются на всех членов Соглашения. Уместно напомнить, что как раз вокруг этого критерия в пользу его отмены шли горячие дискуссии во время работы международного сообщества над Договором о патентных законах (SPLT) в рамках ВОИС. Напомним также, что неудачная судьба этого договора во многом была обусловлена отказом американской делегации от изменения своей патентной технологии, включая авторскую систему подачи заявок и вышеупомянутый критерий неочевидности с заложенным в нем принципом «относительной», а не общепризнанной «абсолютной» новизны изобретения¹⁰.

Подведем некоторые итоги. Первое: говоря о территориальности исключительных прав, следует различать два различных аспекта применения указанного принципа территориальности. Если дело касается регистрации объекта интеллектуальной собственности в зарубежном государстве, однозначно можно говорить об обязательном следовании данному принципу. Если же применять его к сфере осуществления исключительных прав, под которым будем понимать как распоряжение правами, так и их защиту, то на практике давно уже произошел отход от классической модели исключительных прав с четко прописанными в законе изъятиями (ограничениями) в пользу общества и так называемого некоммерческого использования в личных целях. Скорее, нужно признавать прагматический подход, обусловленный интересами

¹⁰ Пирогова В.В. Патентные права и международный обмен технологиями в глобализирующемся мире // Российский ежегодник международного права. 2008. СПб. СКФ Россия-Нева, 2009. С. 291.

международной торговли. Здесь на первые роли выходят мотивы «экономической целесообразности»¹¹. Под них, собственно, и выстроен, например, небезызвестный «трехступенчатый тест» в ст. 13 ТРИПС, согласно которому изъятия прав не должны наносить ущерб нормальной эксплуатации исполнения или фонограммы или необоснованно ущемлять законные интересы правообладателей. Эта новелла касается института авторских и смежных прав¹². Аналогичный подход ТРИПС демонстрирует и в отношении патентных прав. В соответствии со ст. 30 страны-члены могут предусматривать ограничения исключительных прав, предоставляемых патентом, при условии, что такие ограничения необоснованно не вступают в противоречие с нормальным использованием патента и необоснованно не ущемляют законные интересы патентообладателя, учитывая при этом законные интересы третьих лиц.

Несколько казуистические определения «неоправданное», «необоснованное», как полагаем, предоставляют достаточно широкое правовое поле. Регламентировать ограничения, на наш взгляд, можно лишь одним способом: обратиться к общим принципам Соглашения, изложенным в ст. 8 ТРИПС.

В соответствии с п. 1 ст. 8 страны-члены вправе разрабатывать или изменять законодательство, если того требуют общественные интересы, лежащие, в частности, в сфере охраны населения, снабжения продовольствием, иных значимых социально-экономических и технических секторах экономики. Выдвигается при этом условие соответствия всех вносимых изменений положениям ТРИПС.

Второй пункт этой же статьи обращен в иное русло. Речь идет о пресечении злоупотреблений правами и предотвращении недобросовестной лицензионной практики. При этом разработчиками ТРИПС лицензионная практика характеризуется как «необоснованно ограничивающая торговлю или неблагоприятным образом влияющая

¹¹ В зарубежных экономических теориях этому понятию придается оттенок «оправданности способов сообразных достижению целей экономического благосостояния» (англ. *conventional wisdom*). В.В. Пирогова. Интеллектуальная собственность: инвестиции и международный технологический обмен // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 266.

¹² Мишель М. Вальтер. Связь и сопоставление Римской конвенции, договора ВОИС по исполнениям и фонограммам (ДВИФ) и Соглашения об аспектах прав интеллектуальной собственности, связанных с торговлей (Соглашения ТРИПС); эволюция и возможное совершенствование охраны смежных прав, признаваемых Римской конвенцией // Бюллетень ЮНЕСКО. Авторское право. Смежные права: сопоставление международных норм. Том XXXV. № 1. 2001. С. 49–50.

на международную передачу технологий». Особенно важным представляется новелла о регулировании лицензионной торговли (п. 2 ст. 8) и ее связь с вышеприведенной ст. 30, касающейся ограничений прав.

Итак, сопряжение этих двух статей очевидным образом дает представление о том, что «обоснованность» и «оправданность» сужения действия исключительных прав зависят главным образом от расстановки интересов участников международной торговли или международного технологического обмена. Если заключаемое лицензионное соглашение ведет к тому, что одна из сторон будет препятствовать его исполнению по причинам, кажущимся ей необоснованными для ограничительной практики лицензионной торговли, ей придется прибегнуть к разрешению конфликта в рамках режима ВТО, а именно: рассмотрению спора в контексте ст. 8 и 30 ТРИПС. Если будет вынесено решение, что подобные ограничения прав находятся в русле ст. 30, то есть обоснованны, не входят в противоречие с законными интересами третьих лиц, то, по-видимому, такая лицензионная практика будет разрешена.

С другой стороны, очевиден факт, что передача лицензии всегда предполагает совместимость торговых интересов сторон, поэтому обращение за помощью, скорее всего, будет обусловлено несовпадением этих интересов и невозможностью достичь компромиссного решения. Думается, что такой регламент будет продиктован со стороны более сильного экономического партнера, который заинтересован в реализации своих технологий на рынках менее развитых стран. В этом случае обращение за помощью в Совет ВТО будет сопровождаться обоснованием продажи лицензии, которая будет обосновываться лицензиаром на позициях общественных интересов в первую очередь требованиями сократить число заболевших опасными инфекционными болезнями или обращением к нерешенной проблеме снабжения населения наименее развитых стран продуктами питания.

Всегда ли адекватно может Соглашение ТРИПС очертить зону так называемого «оправданного» и «обоснованного» сужения исключительных прав? На наш взгляд, ответ последует скорее отрицательный, нежели положительный. Приведем в завершение лишь несколько аргументов в пользу высказанного тезиса.

Во-первых, любое злоупотребление правом, о котором упоминается в ст. 8 ТРИПС, отдается Соглашением на откуп национального законодателя. Иными словами, действия, которые в одной национальной

юрисдикции будут квалифицированы как злоупотребление правом, вовсе может не относиться к таковым в иных правовых координатах.

Второе: если, например, страна-член внесет какие-либо изменения относительно объема исключительных прав в отношении любого объекта интеллектуальной собственности, не будет ли это расценено другими членами ВТО как нарушение принципа национального режима? Ведь из этого явно следует расширение объема правомочий, который будет предоставляться местным заявителям. Будет ли здесь действовать принцип взаимности, если расширение объема будет мотивировано п. 1 ст. 8 – общественными интересами, например в сфере атомной энергетики, которую, безусловно, можно отнести в контексте рассматриваемой статьи к жизненно важным секторам.

И, наконец, в третьих: следование правилам ТРИПС не может быть в отрыве от целей этого Соглашения, которые заключаются в соблюдении взаимных интересов в продвижении технологий и предоставлении равных возможностей экономическим партнерам в вопросах доступа к технологиям и развития технологического потенциала. Налицо некие двойные стандарты. Именно эти двойные стандарты нередко сказываются на общей концепции развития сегодняшней модели института интеллектуальной собственности.

Затем, обратившись вновь к вопросу территориального характера исключительных прав, мы можем себе достаточно ясно представлять существующее положение дел. Изъятия, которые были заложены в территориальность еще в период разработки Парижской конвенции, нашли дальнейшее развитие и воплощение в современных договорах по интеллектуальной собственности, и прежде всего в Соглашении ТРИПС. Реальность такова, что Соглашение ТРИПС, являясь результатом договоренностей между группами стран, различными по уровню развития экономики, не пошло по пути обычного повышения стандартов охраны интеллектуальной собственности, как это делалось прежде посредством гармонизации в рамках ВОИС. Избранный путь ужесточения норм ответственности за контрафактную продукцию и отказ от классической системы исключительных прав с ее детерминированными ограничениями, обусловленными в числе прочего и территориальным характером прав, привели к той модели, которая применяется сегодня при разрешении торговых споров в рамках Всемирной торговой организации. Во главу угла ставится стимулирование конкуренции на мировом экономическом пространстве.

Как следствие, решение трансграничных споров в сфере интеллектуальной собственности представляет собой сегодня клубок неразрешенных проблем. Главная из них лежит в плоскости все того же территориального характера исключительных прав.

Удивительным образом с проблематикой вопросов интеллектуальной собственности в международном частном праве корреспондируют цели, которые ставились нашим цивилистом Пиленко в вышеупомянутой монографии «Право изобретателя» на рубеже XIX и XX столетий. Будучи одаренным ученым, он отмечал, что без *vorarbeiten* обратился к институту авторского и патентного права, с тем чтобы уяснить не разрешенные для него тогда некоторые вопросы международного частного права касательно правотворящей роли судьи. В предисловии к своей монографии Пиленко писал: «Если применение закона есть частный случай построения силлогизмов, то очевидно, что (логика ведь везде одина!) всякий данный закон может быть применяем всяким данным судьей. Но если – к чему склоняется новейшая доктрина – процесс конкретизации закона есть процесс свободного творчества; если закон есть лишь один из элементов правотворения, становящийся правом только тогда, когда он будет оплодотворен в лоне на все жизненное отзывчивой юриспруденции: тогда мы должны будем признать, что русская норма, для того чтобы сделаться русским правом, должна пройти сквозь горнило русского, а не иного творчества»¹³. Не менее удивительно и актуально сегодня звучат и слова другого русского цивилиста, профессора Дювернуа, который в те же годы писал: «С каждым годом возрастающее значение приобретает так называемое патентное право, объем и содержание коего как предмета нового определяется очень различно, но которое включает в себя непечатую область задач одинаково новых, трудных и не терпящих отлагательства в их юридической детальной проработке»¹⁴.

На наш взгляд, прошедшее столетие показало, что непечатая область задач в сфере интеллектуальной собственности несколько не уменьшилась, если не возросла. И здесь нет парадоксов права, есть конкретика мировой экономики, которая сообразно ее принципам и приоритетам диктует свои правила и изъятия из них для всех сфер жизни общества. Международное частное право в этом смысле не представляет собой «изъятия из правил».

¹³ Пиленко А.А. Указ. соч. С. 35.

¹⁴ Дювернуа Н. Пособие к лекциям. Спб., 1899. С. 202. Цит. по указ. соч. А.А. Пиленко. С. 34.

Библиографический список

Богуславский М.М. Международное частное право. М.: Юристъ, 2005.

Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. М.: Прогресс, 1977.

Мишель М. Вальтер. Связь и сопоставление Римской конвенции, договора ВОИС по исполнениям и фонограммам (ДВИФ) и Соглашения об аспектах прав интеллектуальной собственности, связанных с торговлей (Соглашения ТРИПС); эволюция и возможное совершенствование охраны смежных прав, признаваемых Римской конвенцией // Бюллетень ЮНЕСКО. Авторское право. Смежные права: сопоставление международных норм. Том XXXV. 2001. № 1.

Пиленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001.

Пирогова В.В. Патентные права и международный обмен технологиями в глобализирующемся мире // Российский ежегодник международного права. СПб. СКФ Россия-Нева. 2009. С. 291.

Пирогова В.В. «Торговые аспекты» и «общественные интересы» в Соглашении ТРИПС (ВТО) // Московский журнал международного права. 2010. № 4 (80). С. 72-85.

Пирогова В.В. Интеллектуальная собственность: инвестиции и международный технологический обмен // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16).

Beier F.-K. Hundert Jahre Pariser Verbandsüdereinkunft – Ihre Rolle in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft//GRUR Int. 1988. S. 339.

Beier F.K. Territorialität des Markenrechts und internationaler Wirtschaftsverkehr, GRUR Int., 1968, S. 8.

Demaret. Patent- und Urheberrechtschutz, Zwangslizenzen und freier Warenverkehr im Gemeinschaftsrecht. GRUR Int. 1987, S. 1-13.

Faupel. GATT und geistiges Eigentum. Ein Zwischenbericht zu Beginn der entscheidenden Verhandlungsrunde //GRUR Int. 1990. S. 255-266.

Nuno P. de Carvalho. The TRIPS regime of patent rights. Kluwer Law Int. 2010.

Ullrich H. Technologieschutz nach TRIPS: Prinzipien und Probleme. // GRUR Int. 1995. № 8. S. 630.

The Principle of Territoriality of IP Rights (Summary)

*Vera V. Pirogova**

The article is dedicated to the principle of the territoriality of IP rights of Intellectual property law. The article pays special attention to the problem of conflict of laws and Intellectual Property Rights and analyses some of international conventions.

Keywords: intellectual property; GATT; TRIPS Agreement; WTO; principle of the territoriality of IP rights; most favoured nation (MFN) principle.

* Vera V. Pirogova – associate professor of the Chair of International Private and Civil law, MGIMO-University MFA Russia. vpirogova@mail.ru.